

М. В. Авдеев

Меж двух огней

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. В. Авдеев**
Меж двух огней: Роман / М. В. Авдеев – М.: Книга по Требованию, 2016. –
544 с.

ISBN 978-5-518-08887-0

В трех частях.

ISBN 978-5-518-08887-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

летворить чѣмъ-нибудь возвышенные вкусы и тонкія требованія: такимъ господамъ преимущественно и предоставлялись въ то время эти мѣстечки.

Въ Нобелькнебель была не даромъ нѣмецкая кровь: онъ счастливо соединялъ въ себѣ если не кротость, то по крайней мѣрѣ прозорливость голубя съ мудростію змія. Почувявъ новыя времена, онъ немедленно началъ поговаривать о тяжести и неблагоприятности службы и незадолго до пріѣзда сына благоразумно подалъ въ отставку.

Юный Нобелькнебель не обманулъ ожиданій родителя; онъ отлично кончилъ курсъ, потолкался года два въ какомъ-то министерствѣ и, осмотрѣвшись, хоть и неопытнымъ, но отъ природы смѣтливымъ и въ училищѣ изощреннымъ взглядомъ, смекнулъ дѣла, тотчасъ же перемѣнилъ поприще и вступилъ, какъ и отецъ, тоже въ какой-то необыкновенный „комитетъ особыхъ лицъ для особенныхъ дѣлъ“. Извѣстно, что у насъ много перебывало подобныхъ комитетовъ, задуманныхъ съ одними прекрасными дѣлами, но удовлетворявшихъ другимъ, которыхъ совершенно не имѣлось въ виду при ихъ учрежденіи. Устроить такой комитетъ для себя и возсѣсть въ немъ—было, разумѣется, удѣломъ немногихъ сильныхъ бюрократовъ; но откопать подобный комитетъ, попасть въ него и направить всю его дѣятельность на собственную пользу могъ только неоспоримый бюрократическій талантъ, и Нобелькнебель младшій вполне доказалъ, что владѣетъ имъ. Не безызвѣстно также, что каждый изъ выше упомянутыхъ комитетовъ имѣлъ свою особенность. Такъ комитетъ Нобелькнебеля senior, невидный и скромный, какъ мы уже замѣтили, давалъ тысячные доходы: „не красна изба углами, красна ши-

рогами“, говорили про него провинціальныя доки. Комитетъ же Нобелькнебеля junior, въ противоположность комитету Нобелькнебеля senior, не только не давалъ никакого дохода, но отличался такимъ классическимъ безкорыстіемъ, что чиновники его писали, на дому даже, дѣловыя записки на собственной бумагѣ, собственными перьями, не имѣя и въ смыслѣ взять то и другое у экзекутора. Безкорыстіе это простиралось до того, что бѣднаго экзекутора разъ чудь не выгнали изъ службы за то, что онъ осмѣлился предложить одному юному Аристиду стеклянку англійскихъ чернилъ для его употребленія. Отличались они еще и необычайно строгимъ исполненіемъ всѣхъ малѣйшихъ мелочей и формальностей канцелярскихъ установленій и въ этомъ случаѣ съ зоркостью Аргуса слѣдили другъ за другомъ. Вслѣдствіе сего, всякаго просителя или ходатая они донимали своимъ безкорыстіемъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей хуже всякаго взяточника и дѣлали это съ нѣкоторымъ злорадствомъ, какъ будто природа ихъ мстила за свое извращеніе и говорила: „Ну да! мы безкорыстны, такъ на же вотъ тебѣ за наше безкорыстіе! не доставайся же оно даромъ!“ А когда являлся простаекъ, который, видя ихъ придирки, предлагалъ имъ въ простотѣ душевной мзду, то если не было возможности за сіе унечь его подъ судъ, бывало творимо столько чернильной пакости, хотя бы его дѣло было бѣлѣе воротничковъ ихъ сорочекъ, что усомниться въ безкорыстіи юныхъ администраторовъ не было никакой человѣческой возможности.

Но зато комитетъ этотъ, — помимо того, что въ немъ столоначальники получали, подъ видомъ столовыхъ и

квартирныхъ, генеральскіе оклады, — имѣлъ еще то достоинство, что счастливы, въ немъ служащіе, переносились съ чина на чинъ съ поразительною быстротою. Въ силу этого обстоятельства юный Нобелькнебель 28-ми лѣтъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ и смотрѣлъ въ дѣйствительныя.

Изъ себя юный Нобелькнебель былъ высокаго роста, худъ, съ продолговатымъ лицомъ, такимъ же высокимъ живописно изогнутымъ и гладко обтянутымъ кожей носомъ, лобъ у него былъ узкій, закинутый назадъ, волосы носилъ съ англійскимъ проборомъ и имѣлъ тѣ отиѣнно вѣжливыя манеры, которыя говорятъ: „ты де, свинья, не забудь, что я тебѣ не чета!“

Пріѣздъ на каникулярное время этого разцвѣтающаго администратора и праздновалъ его родитель въ своемъ имѣніи.

Послѣ обѣда хозяйинъ-отецъ, вообще весьма гостепріимный, но по своему изящному вкусу нѣсколько морщившійся отъ общества разнаго залежавшагося по деревьямъ хлама, предоставилъ не очень изящное большинство заботамъ сына, а самъ устроилъ аристократическую партію и сѣлъ ее доигрывать въ гостиной; дамы сгучились около хозяйки, а большая часть гостей, любящихъ, особенно послѣ обѣда, просторъ и разлегнутость, отправились въ кабинетъ, раскинулись на мягкой мебели, пили кофе и чай и курили неистово. Гости эти были преимущественно заматерѣлые и недвигавшіеся изъ предѣловъ родной губерніи помѣщики и уѣздные чиновники разной масти и статей, средняго возраста, холерическаго темперамента — съ чернью и въ кучѣ, меланхолическаго — со старшими и въ разсыпную. Былъ

приглашенъ и сельскій священникъ человѣкъ грубоватый, стертый, не вступавшій ни въ какіе разговоры и на вопросы, курить ли онъ и пить ли чай съ ромомъ, отвѣчавшій: „дерзаю“. Духовный отецъ удивлялся, кажется, всего болѣе тому, что видѣлъ себя въ этомъ обществѣ и вѣрно никогда недогадается, что онъ былъ этимъ обязанъ тому обстоятельству, что председатель комитета и непосредственный начальникъ юнаго Нобелькнебеля, человѣкъ игриваго свойства, не могущій безъ тремета и улыбки видѣть легкаго пола, вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимымъ выказывать величайшую набожность и крестился, снимая шляпу, передъ каждой церковью.

Юный Нобелькнебель занялся дамами, гости были предоставлены себѣ и вниманіе ихъ сосредоточилось на молодомъ человѣкѣ, рѣзко отличавшемся своей ловко сшитой и красивой одеждой отъ безразличныхъ широкихъ или узкихъ, затрапезнаго вида и чистоты, одѣвній уѣздныхъ аборигеновъ.

Молодой человѣкъ былъ хорошаго средняго роста, ладенъ станомъ, хотя худощавъ и нервенъ, съ хорошо развитымъ лбомъ, и пріятнымъ лицомъ, съ сѣрыми умными глазами. Вообще онъ имѣлъ русскій типъ, что у насъ между высшими сословіями встрѣчается не очень часто, и былъ, какъ иногда говорится въ паспортахъ, „изъ себя чистъ“, что доказывало здоровую кровь. Лицо его, мягкихъ и добродушныхъ очертаній, какъ и всѣ русскія лица, можно бы было упрекнуть въ недостаткѣ рѣзкаго выраженія, еслибы подвижность мускуловъ около глазъ и оконечностей рта не отражала легко и по произволу самыя тонкіе оттѣнки его мысли и не при-

давала ему множества разнообразных выраженій. Такова впрочемъ у насъ вся русская природа: небольшія и мягко очерченныя горы, мелкій листъ на деревьяхъ, блѣдный цвѣтъ неба, а все вмѣстѣ имѣетъ свою особливую выразительность и если не поражаетъ сильно и рѣзко, то тѣмъ не менѣе глубоко дѣйствуетъ на воспріимчивую натуру.

Впрочемъ видно было, что жизнь не проложила еще на лицѣ молодого человѣка своихъ опредѣленныхъ и рѣзкихъ линий, и только рядъ небольшихъ отвѣсныхъ морщинокъ на лбу, набѣгавшій на него въ серьезныя минуты, выказывалъ привычку вдумываться въ вещи и не принимать ихъ слегка. Молодой человѣкъ, про котораго мы говоримъ, былъ мѣстный помѣщикъ, назывался Дмитріемъ Петровичемъ Камышлинцевымъ, только что возвратился изъ за-границы и носилъ—что тогда было еще рѣдко—бороду, мягко и курчаво обложившую его свѣжее лицо.

Гости, знавшіе другъ друга до мозга костей, были рады лицу, котораго давно не видали и которое нѣкоторымъ образомъ обновляло ихъ затрапезную жизнь. Они занимались исключительно имъ. Сначала обзоръ производился съ наружности. Люди, еще не сдѣлавшіеся окончательно равнодушными къ своей наружной отдѣлкѣ, спрашивали Камышлинцева: гдѣ онъ заказывалъ платье и что оно стоитъ, причемъ удивлялись доброкачественности матерій и относительной дешевизнѣ, а другіе, люди экономные и уже равнодушные къ бесплодной внѣшности, заключили, что это по пустякамъ брошенныя деньги, что можно бы и попроче.

— Вотъ у меня ластиковый сюртукъ, — говорилъ одинъ обстоятельный господинъ, — по 40 копѣекъ, аршинъ, а отливаешь точно аглицкое сукно.

— Особенно, какъ замаслится, — замѣтилъ саркастически человекъ болѣе современный.

Одинъ добродѣтельный старецъ, знавшій Камышлинцева съ дѣтства, не могъ простить ему, что онъ отпустилъ бороду, и въ третій разъ приставалъ къ нему.

— Нѣтъ, скажи, зачѣмъ ты бороду отпустилъ? Что это мода что-ли такая пошла?

— Мода! — отвѣчалъ Камышлинцевъ усмѣхаясь: — съ нашихъ крестьянъ взята.

— Они же нынче и у насъ въ ходъ пошли, — замѣтилъ другой, намекая на слухи объ освобожденіи.

— Такъ ужь, чтобы было больше сходства, и жителей надо бы туда напустить, присовокунили раздражительный, мрачнаго вида господинъ, весь поросшій волосомъ.

Камышлинцевъ не счелъ нужнымъ отвѣчать ему.

— Ну, а лучше ходить съ такою щетиной, какъ у васъ, — возражалъ за Камышлинцева болѣе современный человекъ: — вѣдь на Кавказѣ въ такихъ камышахъ не только насѣкомья, кабаны водятся!

Большинство расхохоталось тучнымъ и широко-груднымъ смѣхомъ.

— Что, господа, это все вздоръ, — сказалъ одинъ помѣщикъ, считавшійся въ своемъ кругу большимъ политикомъ и имѣвшій даръ угадывать всѣ сокровенные помыслы великихъ дѣятелей по „Московскимъ Вѣдомостямъ“, единственной печатной вещи, имъ читаемой.

— А расскажите-ка намъ, Дмитрій Петровичъ, что за границей подѣлывается? ну что Наполеонъ? — спросилъ онъ.

— Да прибралъ такъ къ рукамъ французовъ, что говорятъ въ нынѣшней Франціи не узнаешь прежней, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Вотъ молодецъ! такъ ихъ и надо, подлецовъ, а то у нихъ умъ за разумъ зашелъ: они чортъ знаетъ чего не затѣвали, — замѣтилъ мрачный и весь поросшій волосомъ господинъ.

— Однако все-таки Наполеонъ — умная бестія! — замѣтилъ политикъ, сложилъ руки на груди, насупилъ брови и, изобразивъ Наполеона 1-го, какъ рисуютъ его на скалѣ Св. Елены, продолжалъ басомъ, не обращая вниманія на то, что изображалъ дядю вмѣсто племянника: — „вы, говоритъ, друзья мои, пойте и веселитесь, а дѣла предоставьте мнѣ и въ нихъ прошу не вмѣшиваться. Можете, говоритъ, скуки ради, языкомъ поболтать въ парламентъ,“ безъ этого нельзя — замѣтилъ онъ своимъ голосомъ — онъ знаетъ французовъ, что они не могутъ жить безъ болтовни, „можете, говоритъ, поболтать и болтайте себѣ, а въ дѣла ни-ни! Иначе, видите вы, говоритъ, это? — и показываетъ на тотъ берегъ, на Англію. У нея Пальместронъ (Наполеонъ, по мнѣнію политика, почему-то находилъ удобнѣе называть Пальмерстона Пальместрономъ), у нея Пальместронъ на часахъ и она не дремлетъ, а Пальмерстона кромѣ меня никто не проведетъ!“

— Ну нѣтъ! французы молодцы! французы не то, что англичане: вотъ тѣ, такъ скоты совершенные! А французъ ничего! Французъ — добрый, веселый малый;

у насъ и солдаты ихъ любятъ и нынче въ Крыму — дрались жестоко, а чуть перемиріе, сейчасъ и бонжуръ мусьё и за панибрата, — возразилъ другой гость, болѣе общительнаго свойства.

— Да, Пальместронъ тоже у-у какая протоканалья! — замѣтили съ единоголаснымъ одобреніемъ многіе.

— Ну, говоритъ, а я, говоритъ, и Пальместрона надую и мы ему оплатимъ старые долги! А французамъ, — заключилъ политикъ отъ себя, — стоитъ только показать на англичанъ и дѣлай съ ними что хочешь: ненавидятъ рыжихъ! „Вивать, Наполеонъ“, говорятъ, „дѣлай что хочешь, только бы англичанамъ бока помять!“ ну онъ и дѣлаетъ!

— Вы, можетъ-быть, вѣрно изобразили Наполеоновскую политику, — смѣясь замѣтилъ Камышлинцевъ, — только Луи-Наполеонъ ее не высказывалъ, да онъ и вообще говорить не любитъ, а все дѣлаетъ молча.

— Молча? — переспросилъ политикъ.

— Да, онъ большей частью молчитъ, а когда и говоритъ, то какъ древніе оракулы, понимай, какъ хочешь: „молчаливый сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ“, какъ мѣтко назвалъ его Герценъ.

— Какъ? какъ? — слышались голоса.

— Молчаливый сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ: онъ усы вотъ такъ носить, точно карандашъ во рту, — и Камышлинцевъ показалъ на своихъ усахъ.

— Что такое свинксъ, — спросилъ тихо одинъ гость у другаго, недоучившагося когда-то въ кадетскомъ корпусѣ.

— Статуи, звѣриное туловище съ человѣческой головой, въ Петербургѣ на набережной стоятъ, изъ Египта привезены, — отвѣчалъ въ полголоса тотъ.

— Что такое фидибусы, — спросилъ третій у четвертаго, недоучившагося когда-то въ университетѣ.

— Бумажки такія длинныя, свернутыя трубочкой, трубки закуривать, — покровительственно отвѣтилъ тотъ, сознавая все превосходство собственныхъ познаній.

— Сфинксъ съ усами въ видѣ фидибусовъ! — повторилъ политикъ. — Мѣтко сказано. А кто этотъ господинъ Герцынь?

Камышлинцевъ объяснилъ имъ.

— Однакожь позвольте! — возразилъ политикъ, — какъ же позволить себѣ выражаться такъ хоть бы о Наполеонѣ? Я понимаю, если это было сказано тогда, когда мы были съ нимъ въ войнѣ: тогда со стороны господина Герцына это было бы дѣло похвальнаго патриотизма; но Англія? Англія была съ Наполеономъ за-одно, какъ же она дозволила такъ выражаться о своемъ союзникѣ? Вѣдь это могло навлечь большія неприятности? Вѣдь тутъ порохомъ могло кончиться! А ну какъ Наполеонъ скажетъ, — и тутъ политикъ опять сложилъ руки на груди и началъ басомъ, который всегда употреблялъ для передачи словъ великихъ особъ, полагая, вѣроятно, что они не могутъ говорить обыкновеннымъ голосомъ, — ну какъ онъ скажетъ имъ: „Я вашъ вѣрный союзникъ! Недавно мы вмѣстѣ съ вами сокрушали твердыни неприступнаго Севастополя, — а теперь вы позволяете выражаться обо мнѣ неприличнымъ образомъ — и кому же? добро бы своему же брату, англичанину — а то выходцу той самой Россіи, противъ которой мы вмѣстѣ проливали кровь?“ Что тогда Пальместронъ долженъ отвѣчать ему?

— Да отвѣтитъ, — улыбаясь сказалъ Камышлинцевъ, — что въ Англіи нѣтъ цензуры, а каждый пишетъ что хочетъ и самъ за себя отвѣчаетъ.

— Какъ? всякій можетъ бранить высокія лица или осуждать правительственныя дѣйствія и за это ничего ему не будетъ?

— Нѣтъ! если кто оскорбленъ, тотъ можетъ жаловаться суду, а правительственныя дѣйствія обсуждай какъ хочешь? Да и министры тамъ не обидчивы, не только на нихъ, и на королеву карикатуры безпрестанно являются.

— Это чортъ знаетъ что! но положимъ, Англія это и терпитъ у себя, но Россія можетъ взыскать съ своего подданнаго.

— Англія не выдаетъ политическихъ преступниковъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.

— Такъ господинъ Герцынъ и пишетъ тамъ, что хочетъ? — спросилъ политикъ съ недоумѣніемъ.

— И пишетъ! — отвѣчалъ Камышлинцевъ и рассказалъ имъ нѣсколько анекдотовъ, вычитанныхъ имъ за границей въ „Колоколѣ“.

Слушатели безмолвствовали, какъ народъ въ „Борисѣ Годуновѣ“.

— Какъ же это позволяютъ? это чортъ знаетъ что! — воскликнули многие.

— А умная должна быть шельма этотъ Герцынъ! — замѣтилъ наконецъ одинъ.

— Вы съ нимъ незнакомы? — спросилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ, я въ Англіи не былъ, — отвѣчалъ Камышлинцевъ.